

Семен Грила

Мавзолей-2

Фантастическая драма режимов и алгоритмов в пяти частях

Часть 2

Ежи Мнишек задолжал много денег. Но он был человеком предприимчивым, а рядом лежала страна в проблемах. Он решил прибрать бесхозную страну и решить свои проблемы как бы по ходу решения ее проблем.

Что из этого вышло? Ну, это детектив. Для начала он находит Дмитрия, сына Ивана Грозного, и женит его на своей дочери, а потом возводит их на российский престол. Хрупкость конструкции не смущала почти никого. Ни князей, ни бояр, ни мать Дмитрия, ни церковь, ни Успенский собор. Все было в масть. Ну как тут не впасть.

Действующие лица

Ежи Мнишек

Марина Мнишек

Шуйский

Долгорукий

Голицын

Филарет

Михаил Романов

Дмитрий

Еще один Дмитрий

Минин

Пожарский

Одоевский

Марина Нагая

Гермоген

Шереметев

Трубецкой

Мстиславский

Бояре

Ленин

Малыш

Действие первое

Сцена первая

Где-то в Польше. Ежи Мнишек и его дочь разговаривают о будущем. Их будущем.

Марина. Ты, конечно, большой озорник, папа, но что будет, когда всё раскроется?

Ежи. Ничего не раскроется, если мы будем считать это правдой. По-настоящему. Именно на этом всё и будет стоять.

Марина. Ну я, допустим, смогу. А ты? Ты же слишком циничен для веры.

Ежи. Поменьше соплей и побольше женского. Много женского – узелки, завязочки, бантики, брошки, булавки. Утопи себя в этом.

Марина. А что будешь делать ты?

Ежи. Я буду с боярами и князьями показывать им их выгоды. Перспективы. Должности. Богатства. Титулы. Ну всё, как это и бывает.

Марина. Откуда ты знаешь, как бывает?

Ежи. Как я выдумаю, так и будет. А значит, так и было. Что ты в самом деле, как твоя мать!

Марина. Я не помню свою мать.

Ежи (*смеется*). Зато я помню. А ты не помнишь, и это хорошо. Ты очень на нее похожа, и этого достаточно. Смотри в зеркало и представляй ее.

Марина. Ты меня пугаешь.

Ежи. Не бойся. Не будешь бояться – и не будет страшно. Всё просто, видишь?

Марина. Вроде бы.

Ежи. Ладно, отдохнули – и вперед.

Марина. Вперед! Вперед – и никогда назад!

Сцена вторая

Шуйский и Долгорукий. Где-то в Москве. В палатах каменных. Возможно, в Голицыных.

Шуйский. Ну что ты мнешься всё время, князь. Такие дела! Такие возможности! Сейчас вот Годуновы пали. Причем прям все. Это ли не чудо? Чуть Русь не уморили!

Долгорукий. И что теперь? Чем стало лучше? Ты слишком шустрый, Шуйский. Много нахватал.

Шуйский. И тебе советую. Тут вот ко мне Мнишек приезжал. Просил поддержать царевича Дмитрия. Ты как?

Долгорукий. Ну это же нелепая выдумка. Чудо спасения. Бред!

Шуйский. Может, да. Но чем нам хуже? Коронуем. Будет царь, а там посмотрим.

Долгорукий. Поляки. (*Морщится.*)

Шуйский. Ну и что! Договоримся. Разделим по влиянию на всё.

Долгорукий. Я посмотрю пока в сторонке.

Шуйский. Смотри не перестой. Но с Дмитрием согласен?

Долгорукий. Против не буду.

Шуйский. Ну и ладно. Хорошо. Пойдем, князь, покажу тебе я упряжь новую свою.

Долгорукий. Давай, похвастайся, оттаешь.

Сцена третья

Царевич Дмитрий, Мария Нагая и бояре. Обсуждают коронационные мероприятия.

Бояре. Мария, так сын ли это твой? Скажи нам.

Мария Нагая. Да, это сын, кровиночка моя. *(Плачет.)*

Царевич Дмитрий. Как я рад, что снова вместе мы. Что ты жива, здорова.

Бояре. Тогда назначим день венчания на царство. Когда ты хочешь?

Царевич Дмитрий. Не хочу откладывать, быстрее как возможно.

Бояре. Народ собрался, просит, чтоб ты вышел.

Царевич Дмитрий. Обязательно. Пойдем все вместе. С народом мы должны стоять.

Бояре. И в Думу к нам мы тоже ждем тебя.

Царевич Дмитрий. Я буду обязательно. И скоро.

Мария Нагая. Дай обниму тебя опять.

Царевич Дмитрий *(обнимает ее)*. Потом наговоримся, мама.

Бояре, царевич и Нагая идут на балкон. Внизу толпа. При виде Дмитрия начинает реветь. Все плачут.

Сцена четвертая

Царь Дмитрий и Марина Мнишек. Перед совместной коронацией. Она жена и царица.

Марина. Все-таки как-то всё впопыхах. К чему спешка?

Дмитрий. Я ждал слишком долго.

Марина. Сейчас торопливость некстати. Народ не сильно любит тебя, про себя вообще молчу.

Дмитрий. Ты знаешь, почему. Поляки твои давят. И отец твой, и король. Они не получили, как им кажется, того, на что рассчитывали. И ты – напоминание об этом.

Марина. А почему ты не объяснил, что не ко времени всё это? Бояре недовольны. Мы – католики. Попы в народе мутят. Что ты молчишь?

Дмитрий. Как я скажу? Кому? Им всем легко, сидят там, в Польше, в ус не дуют.

Марина. Они не понимают настроений.

Дмитрий. Вот именно. Но всё это херня. Ведь ты, любовь моя, становишься царицей. Не чудесно ли это?

Марина. Чего-то мне не кажется, что это хорошо. И вовсе не возбуждает.

Дмитрий. А я?

Марина. А ты подавно.

Оба смеются, идут закусить, потом в постель, потом опять к столу. Гормоны всё спрямляют.

Сцена пятая

Шуйский и Мнишеки после расправы толпы над царем Дмитрием. Мнишеки пойманы и под арестом в одном из домов Шуйского в Москве.

Шуйский. Ну как вас кормят?

Ежи. Да неплохо.

Марина. Как, Шуйский, ты нетерпелив. Убьешь нас?

Шуйский. К сожалению, нет. Хочу я через вас с Речью Посполитой договориться. Вы теперь актив.

Ежи. Ты деловой. Я знал всегда. Но почему ты рвешься к власти сейчас? Момент неподходящий.

Шуйский. Стихия, мы в потоке. И вы, и я. Мы все под давлением судьбы.

Марина. О, как заговорил!

Ежи. Ну ладно: как всё будет?

Шуйский. Вас отправлю в Ярославль, подальше от толпы, а там посмотрим, как пойдут договора.

Ежи. Мы можем сами.

Шуйский. Отпустить? Нет. Вам сейчас нет веры. Уйдете налегке? Так не пойдет.

Марина. Ты слишком верткий, князь.

Шуйский. Я не князь уже.

Марина. Я – царица, не забывай.

Шуйский. Я не забуду, ты забудь. Всё. Я пошел. Наш разговор окончен. Без глупостей себя ведите.

Ежи. Спасибо, царь.

Шуйский. Так лучше.

Действие второе

Сцена первая

Царские палаты. Москва. Шуйский стоит у окна. Давно стоит. Думу думает. Входит человек и докладывает о прибытии митрополита Ростовского Филарета.

Шуйский. Зови.

Входит Филарет.

Филарет. Ну здравствуй, царь.

Шуйский. Вашими молитвами.

Филарет. Я приехал. Чего звал?

Шуйский. Давай мощи Дмитрия переносить, смуту закрыть надо. Покажем, что давным-давно уже нет Дмитрия с нами.

Филарет. Как прикажешь. Ты – царь.

Шуйский. Перестань меня тыкать. Я – царь. Знаю, ты тоже хочешь. Родовитый ты. Но не судьба тебе, больно хитрый.

Филарет. Подождем, еще не вечер.

Шуйский. Утро уже, проснись.

Филарет. Ладно-ладно, не бушуй. Мы все измазались в аферах Мнишека, давай не будем портить себе нервы.

Шуйский. Тогда иди и делай.

Филарет. Здрав будь, царь.

Кланяется и уходит. Шуйский смотрит ему вслед. Дует губами. Потом плюет.

Сцена вторая

Мнишеки в Ярославле. Дом. Вечер. Гонец от Шуйского.

Гонец. Приказывают вам собираться. Вот указ. Вас включили в договор с Польшей. Завтра выезжайте.

Ежи. Отличная новость. Хочешь выпить?

Гонец. Не откажусь.

Ежи (*наливает ему из бутылки*). Что нового в Москве?

Гонец. Мир. Конец войне.

Ежи. Я это понял. Что на деле?

Гонец. Бояре всё не ладят меж собой, и Шуйского ругают.

Марина. А кто там среди бояр самый главный?

Гонец. Мстиславский, говорят, и Трубецкой.

Марина. Нас вспоминают?

Гонец. Но вот же вспомнили. Отпускают вас. Свобода.

Марина. Свобода – штука спорная для нас. Я ведь царица.

Ежи. Ну не начинай. Молчать мы обещали.

Марина. Кому?

Ежи. Ну кому – Шуйскому.

Марина. А боярам мы не обещали.

Ежи наливает еще. Марина подходит поближе. Вечер обещает быть долгим.

Сцена третья

Ежи Мнишек и Дмитрий II. Царские покои в Тушине.

Дмитрий. Спасибо, что приехали.

Ежи. Ну, выбора у нас не было. Мы ехали домой – в Польшу.

Дмитрий. Домой никогда не поздно.

Ежи. Вы не похожи на мужа моей дочери.

Дмитрий. Я болел. Я обгорел при пожаре, когда чудом спасся от толпы. Рад, что и вы спаслись. Марина здорова?

Ежи. Царица? Да.

Дмитрий. Сыграем еще раз?

Ежи. В то же самое? За сколько? В прошлый раз так ничего я и не получил.

Дмитрий. Мы с Мариной обвенчаемся, и всё будет по закону. Вам отступные – как отцу.

Ежи. Интересно. Но за Марину я решать не могу. Это ее жизнь.

Дмитрий. Я уже люблю ее.

Ежи. Она об этом еще не знает. *(Смеется.)*

Дмитрий. Может, и знает уже. Я послал ей пару подарков.

Ежи. Я поговорю с ней и вернусь.

Дмитрий. В любое время.

Сцена четвертая

Мнишеки в своих покаях.

Ежи. Ну что мы теряем? Мы в плену де-факто. Можем продолжить прерванную игру. Уехать нам не дадут.

Марина. Всё это плохо кончится. Я знаю.

Ежи. Если знаешь, то поторопись.

Марина. Поторопиться в чем?

Ежи. Красиво жить поторопись. Он даст тебе сейчас всё. Надолго ли? Кто знает. Разбойники нас могли убить в любой момент. Нам падает в руки удача.

Марина. Что-то всё время мимо рук.

Ежи. Заткнись, непутевая.

Марина. Я твой джокер, так что не груби мне, папенька. А то сбегу в Москву к боярам.

Ежи. Там ждут тебя?

Марина. Может быть, и ждут. Тебе на горе.

Ежи. Ладно, не страдай. Я выполню всё, что ты захочешь. Закроем все долги и будем жить.

Марина. Да-да, я жить хочу. Я очень жизнь люблю. Но весело чтоб было.

Ежи. Я знаю.

Сцена пятая

Покои патриарха. Входит гонец.

Гермоген. Ну, что за весть?

Гонец. Дмитрий назначил Филарета патриархом.

Гермоген. Вот даже как. Романовы уже кругом. И с этой стороны, и с той. Ладно. Ступай.

Гонец уходит.

Гермоген. Скажите, каково! И что нам делать тут теперь?

Открывается дверь, входит боярин Романов.

Гермоген. Входи. Я ждал тебя.

Романов. Давно ли?

Гермоген. С тех пор, как заимел ты патриарха собственного в семье.

Романов. А, ты об этом. Так я узнал сейчас, как и ты. Подумал, надо до тебя мне ехать и говорить с тобой.

Гермоген. О чем? Его я проклянута – и всё.

Романов. Не делай этого. Ведь там всё не всерьез, ты понимаешь.

Гермоген. Это как смотреть.

Романов. Оставь нам шанс. Мы вдруг спасемся от напасти и еще послужим. А если ты клеймо позора нам оставишь – тогда всё.

Гермоген. Чудовищная просьба у тебя. Как мне с ней жить, если я ее исполню? И не исполню – тоже не усну. Ты рубишь пополам.

Романов. Прошу не за себя. Подумай, не спеши.

Гермоген. Ступай. Спешить не буду, обещаю.

Романов целует руку Гермогену и уходит.

Гермоген (*глядя на руку свою*). Вот прощельга. Не знаю, как мне быть.

Действие третье

Сцена первая

Филарет и Марина Мнишек. Даже непонятно до конца, как они смогли пересечься. В Тушине. В коридорах бесконечного конгломерата построек, называемых царским дворцом.

Филарет. Кого имею честь я видеть?

Марина. Вы Филарет? Пастырь?

Филарет. В какой-то мере – да. А вы царица наша?

Марина. А вы же пленник, кажется?

Филарет. Мы все на земле пленники. Иллюзий, гордыни, злых замыслов или добрых помыслов. Все мы в плену друг у друга.

Марина. О, вы мыслитель. Жаль, мы не встретились пораньше. Прислушалась бы я.

Филарет. Послушать никогда не поздно.

Марина. Так говорите.

Филарет. Бегите. Не живите жизнь чужую. Вас лишь используют. И бросят вас в огонь, коль успеет случай. Вы поняли?

Марина. Давно я это поняла. Но скучно мне, досадно и обидно. Поэтому я здесь. Я не в плену, я лишь в игре. Чем кончится? Я знаю. А вы?

Филарет. Я знаю лишь отчасти. Всё в случае порой, но у меня еще и проведение. Я Богу своему слуга и проповедник. И местоблюститель. Земля моя со мной. А ваша?

Марина. Нет моей. А впрочем, вот хоть эта. Моя ли? Иногда моя.

Филарет. Вы в прошлый раз лишь чудом же спаслись. Не ставьте на него опять.

Марина. Вы злой, идите к черту!

Филарет. Вот сразу видно – разные по вере. Да Бог судья вам. Я пошел, прощайте.

Марина. Злитесь понапрасну. Не попадайтесь больше мне вы на глаза.

Филарет смотрит на нее, но она не видит этого взгляда. Она увидит много таких. Не сейчас. Потом.

Сцена вторая

Заседание Боярской думы – вернее, семи бояр – в попытке решить, кого приглашать на царство: поляков или ребят из Тушина. Из себя выбрать было невозможно.

Трубецкой. Мы все понимаем, как ненавистен нам сброд из Тушина. Мы это всё недавно проходили, и не получилось ничего хорошего.

Голицын. А чем лучше поляки? Более нам понятны. И что из этого? Разве мы хотим, чтобы они нами правили?

Мстиславский. Ну, править, положим, будем мы.

Романов. Это как пойдет, тут не угадаешь, но я согласен, что польский король нам как-то ближе, нежели Дмитрий из Тушина.

Шереметев. Но он не православный. А у нас и так два патриарха.

Романов. Тут конфликта нет.

Трубецкой. Давайте что-то решать. Отправим посольства туда и туда? Или только полякам?

Мстиславский. Давайте – туда и туда. И решим по итогу или как время покажет.

Романов. Времени немного, и еды мало.

Сцена третья

Дмитрий и Марина в своих покоях. Утро или вечер, точно не понять. Сумерки, в общем.

Дмитрий. Вот посольство от бояр. Что скажешь?

Марина. Им верить нельзя.

Дмитрий. Это понятно. Но наши действия какие? Брать Москву силой? Иначе – разброд и шатание. Давно войска стоят без дела. Скоро начнутся бунты.

Марина. Надо бежать, пока не поздно.

Дмитрий. Пожалуй. Отойдем и найдем новый ветер поддержки недовольных. Их много будет всегда. Вопрос в правильном их обустройстве.

Марина. Красиво говоришь.

Дмитрий. Ты со мной?

Марина. До конца.

Дмитрий. Тогда ты должна знать обо мне кое-что.

Марина. Что же?

Дмитрий. Я не Дмитрий.

Оба смеются. Падают на кровать. Бурная сцена страсти. Эротика по самочувствию.

Сцена четвертая

Мавзолей. Кабинет Ленина Владимира Ильича. Очередной урок для изучающих институты и власть.

Ленин. Так вот, дорогие мои, если смотреть на так называемое Смутное время. Само это понятие мутное до невозможности. Его придумали не историки, а пропагандисты типа Уварова или по их заказу. Период после смерти Ивана Грозного можно назвать периодом поиска идентичности для власти, она в ту пору прыгала, как мячик, из рук в руки, но некая система уже прощупывалась. Рой, так сказать, уже был, но алгоритма еще не было. Поэтому и сбои, которые мы видим.

Слушатель. Но позвольте, Владимир Ильич! Это же свобода – отсутствие алгоритма.

Ленин. Нет, голубчик, отсутствие алгоритма – это случайность, а свобода – это наличие ресурса и права, его защищающего.

Слушатель. А как же власть? Она что – несвободна?

Ленин. Ну почему. Вот Марина Мнишек была свободна, пока не связалась с властью. А ее сын и вообще не знал, что он жил. Так рано его повесили.

Слушатель. Варвары.

Ленин. Нет, они охранители. Была ошибка, сбой, они ее поправили. Ну, как смогли.

Слушатель. Но они ведь свергали тех, кого сами выбирали.

Ленин. Именно. Это показывает, насколько несовершенна была власть в те годы. Ее механизм держался на мнении толпы, а это максимально нелепо.

Слушатель. Одни и те же люди выбирали мнимых царей, приглашали чужих царей и потом выбирали опять. Откуда у них было столько права, столько легитимности?

Ленин. Легитимность не дают, ее берут. Это инстинкт власти. Коридор возможности. Функция именно в этом – понять возможность. Шуйский понял и попробовал. Бояре, Дмитрий, Филарет, ну и, конечно, Одоевский – все молодцы.

Слушатель. Не совсем понимаю.

Ленин. Уничтожение символа есть символ. Какой вывод? Получаешь власть – получаешь имя. Для власти имя не важно. Она всегда останется. С вами или с кем-то другим. Но имя может попытаться стать властью – и это, конечно, порок...

Связь, как всегда, прервалась внезапно. Мавзолей – там так много всего.

Сцена пятая

Минин, Пожарский и Одоевский где-то под Москвой, в лесу, у костра. Пожарский лежит на расстеленном покрывале, рядом с ним сидит Одоевский, ест из котелка.

Минин. Вам-то, князя, непривычно в таких условиях.

Одоевский (*утирая усы*). Это даже мило.

Пожарский. Вот скоро возьмем Москву, будем в кроватях ночевать.

Одоевский. Кто тебе сейчас не дает? Поехали, у меня тут имение рядом.

Пожарский. Ну мы же в походе.

Одоевский. Понимаю.

Минин. Вы слишком сложные, вы не понимаете логистики войны. Мы не можем не поддаваться унификации. Тогда всё легче, и дешевле, и быстрее. Снабжение – это кровь войны.

Одоевский. Вот видишь, князь, тут и без нас разберутся. Поехали!

Пожарский. Поезжайте, князь. Я, пожалуй, останусь, я люблю походы. Раньше не понимал, а теперь полюбил.

Одоевский уходит. Минин смеется. Пожарский качает головой.

Действие четвертое

Сцена первая

Пожарский, Одоевский, Трубецкой решают созывать Земский собор для выбора нового царя.

Пожарский. Надо решать что-то.

Трубецкой. Соберем Земский собор, что еще?

Одоевский. Кого будем выбирать?

Трубецкой. Мы князя – князей и будем. Народ после Дмитриев не примет неродовитых.

Пожарский. Согласен. Пусть Минин займется приготовлениями, он очень хорош в этом.

Трубецкой. Я не против.

Пожарский. Давайте только без интриг.

Трубецкой. Так не получится, наивная душа. Интриги – суть всего процесса. Ведь очевидных кандидатов нет. А значит, будут сговоры.

Пожарский. Обидно. Вроде ж всё очистили от скверны

Одоевский. Так скверна не вовне, а в нас.

Пожарский. Обидно говоришь.

Трубецкой. Зато правдиво.

Одоевский. По коням, братцы, надо дело делать.

Разъезжаются.

Сцена вторая

Где-то в Москве, в палатах каменных. Иван Романов (брат Филарета и дядя Михаила Романова, участник правления бояр, свергнувших Шуйского, законного на тот момент царя) и Шереметев обсуждают ход Земского собора. К избранию все ближе Михаил.

Шереметев. Пожарский кличет за Голицына. Того, что в плену.

Романов. Пожарский – хороший вояка, но муж никакой. Не понимает самости власти. Не нам чета, боярам опытным и древних родов.

Шереметев. Ты-то опытный, конечно, мы все с тобою заодно.

Романов. Ой ли? Что-то единства пока немного. Я знаю, кто-то и к Маринке ездил. Ее позвать хотели.

Шереметев. Неужели? Наверное, казаки Трубецкого.

Романов. Казаки – неудобная сила для нас. Их много разных. Как их причесать, не знаю.

Шереметев. Так знает Филарет.

Романов. Он далеко.

Шереметев. Но имя близко. И привилегии, и земли.

Романов. Разумно говоришь.

Шереметев. И главное – простит им смуту.

Романов. Государственно ты мыслишь. Не забуду. Ступай теперь, я Трубецкого жду, не надо, чтобы он видел нас вместе.

Шереметев. Прощай.

Романов. Увидимся мы скоро.

Шереметев. Я еду повидать святых отцов.

Уходит. Романов сидит, уставившись в пол. Потом встряхивает головой и трет лицо руками.

Сцена третья

Урал. Постоялый двор. Изба. Марина Мнишек и князь Одоевский.

Марина. Ты воевода знатный. Ты бьешься до конца. Ты победил. Что дальше?

Одоевский. Мне велено доставить вас в Москву.

Марина. Избрали нового царя, я вижу, и верно служите ему.

Одоевский. Собор решил, не я.

Марина. Дай мне уйти. Я лишь исчезну, не буду на виду.

Одоевский. Да я бы рад, но сын твой – сей грех нельзя оставить на свободе.

Марина. Его ж убьете вы теперь. Тебе не жалко неразумное дитя?

Одоевский (*шипит*). Так не рожала б. Не было бы вовлеченных в грех.

Марина. Какие ж вы все бляди. Служить готовы хоть кому.

Одоевский (*выпрямляясь*). Я не елозил, чтоб ты знала. Многие предали тебя, не я.

Марина. Спаси.

Одоевский. Окончен разговор. (*Солдатам.*) Закуйте и ее, и прихвостня ее в железо и везите строго. И не дай бог что с ним случится. Шкуру со всех спущу.

Марина. Гори в аду.

Одоевский молча смотрит на нее. Не моргая. Потом выходит.

Сцена четвертая

Кремль. Палаты каменные. Представители Боярской думы у царя.

Царь. Бояре, что за дело?

Шереметев. Привезли Заруцкого, Марину и сына ее.

Царь. Исполнен наш указ – отлично.

Шереметев. Одоевский исполнил, князь.

Царь. Что дальше?

Трубецкой. Заруцкого на кол, Марину в монастырь, сына ее повесить.

Царь (в ужасе). Вот прямо так?

Романов. Да, и сделать всё публично. На Красной площади казнить Заруцкого. А у ворот на площади повесить малыша.

Пожарский. Иного выхода, похоже, нет. Иначе смуту мы не успокоим.

Шереметев. А нам и царство наше надо защищать не только изнутри, но и снаружи. Поляки жмут.

Пожарский. Да, там всё плохо, я сейчас оттуда. Владислав считает себя нашим королем.

Шереметев. И у него в плену много наших отменных людей.

Царь. Я знаю.

Трубецкой. Надо быстро делать, пока раздумья новые не пошли вокруг. Нам тут под боком их не надо.

Царь. Ну делайте тогда. Не будем медлить. Я за корону не держусь, но люди – мне они доверили покой оберегать, и я мудрить не стану.

Бояре. Быть по сему.

Уходят. Царь один. Дрожит и молится. Но ничего не помогает. Ходит из угла в угол. Снаружи крики. Бросился к окну.

Сцена пятая

Марина и малыш. Едут по Москве.

Малыш. Что это так красиво светится?

Марина. Не знаю.

Малыш. Я есть хочу.

Марина. Вот хлеб – пожуй.

Малыш. Попить бы.

Марина. Ну потерпи.

Малыш. Мне холодно и страшно.

Марина крепче прижимает его к себе.

Марина. Поспи.

Малыш. Нас убьют? Меня?

Обнимаются. Малыш целует ее. Кибитка останавливается. Дверь открывается, солдат выхватывает ребенка. Он вырывается и ревет.

Марина (*опускает руки*). Прости меня.

Малыш уже не слышит. Дверь закрывается. Кибитка едет дальше. Всё медленнее. Толпа кричит. Дверь открывается – и какие-то морды орут: «Смотри, смотри, твое отродье болтается в петле!»

Марина не смотрит. Она лежит, откинувшись назад. Удар или припадок.

Занавес